

УДК 342.724.3.439

https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/48

**ЛИШЕНИЕ ПРОКУРАТУРЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2023 ГОДУ
ПРЕДМЕТНОЙ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ (ПРАВА РАССЛЕДОВАТЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ) НЕ СООТВЕТСТВУЮТ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ, ТЕОРИИ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА, НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О
ПРОТИВОРЕЧИИ САМОЙ КОНСТИТУЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 2021 г.**

©Иманкулов Т. И., ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-код: 3846-5907, д-р юрид. наук,
Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, timur232007@mail.ru

**THE DEPRIVATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE KYRGYZ REPUBLIC
IN 2023 OF SUBSTANTIVE JURISDICTION (THE RIGHT TO INVESTIGATE CRIMES)
DOES NOT CORRESPOND TO OBJECTIVE TRUTH, THE THEORY OF CRIMINAL
PROCEDURE AND PROSECUTORIAL SUPERVISION, NOT TO MENTION THE
CONTRADICTION OF THE CONSTITUTION OF KYRGYZ REPUBLIC OF 2021**

©Imankulov T., ORCID: 0000-0003-0512-7759, SPIN-code: 3846-5907, Dr. habil.,
Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan, timur232007@mail.ru

Аннотация. На основе изучения доктринальных источников советских и российских ученых в области уголовного процесса автор сделал вывод об опасности для национальной безопасности государства лишения прокуратуры Кыргызской Республики полномочий следствия, такое предложение властей является сугубо конъюнктурным решением, доказывающим в очередной раз наличие глубокого конституционного кризиса в государстве.

Abstract. Based on the study of the doctrinal sources of Soviet and Russian scientists in the field of criminal procedure, the author concluded that the national security of the state is dangerous for the deprivation of the prosecutor's office of Kyrgyz Republic of the powers of the investigation, such a proposal by the authorities is a purely opportunistic decision, proving once again the presence of a deep constitutional crisis in the state.

Ключевые слова: подследственность, прокуратура, Кыргызская Республика, прокурорский надзор, уголовное преследование, судебная реформа, правозащитная функция прокуратуры, судебный контроль.

Keywords: jurisdiction, prosecutor's office, Kyrgyz Republic, prosecutor's supervision, criminal prosecution, judicial reform, human rights function of the prosecutor's office, judicial control.

По состоянию на 5 июня 2023 г. в соответствии с ч. 3 ст. 159 УПК КР следователями органов прокуратуры пока что еще проводится следствие по уголовным делам:

о преступлениях против гражданских и иных прав человека (ст. 191 УК);

о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности (ст. 218–221 УК);

о преступлениях в денежно-кредитной и валютной сфере (ст. 232 УК);

о преступлениях в сфере налогообложения (ст. 238–243 УК);
о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 245-251 УК);
о преступлениях против судебной власти (ст. 349-353 УК);
о преступлениях против процессуального порядка добывания доказательств (ст. 354–363, 367, 377 УК);
о преступлениях против порядка подчинения и соблюдения воинской чести (ст. 386-396 УК);
о преступлениях против порядка хранения или эксплуатации военного имущества (ст. 397-401 УК);
о военных преступлениях и других нарушениях законов и обычаев ведения войны (ст. 410 УК).

В соответствии с ч. 5 ст. 159 УПК КР следователями органов прокуратуры и национальной безопасности проводится следствие по уголовным делам:

о преступлениях против здоровья (ст. 137 УК);
о преступлениях против гражданских и иных прав человека (ст. 192 УК);
о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности (ст. 222–231 УК);
о преступлениях против информационной безопасности (ст. 319–321 УК);
о преступлениях против конституционного строя и безопасности государства (ст. 333, 334 УК);
о коррупционных и иных преступлениях против интересов государственной и муниципальной службы (ст. 336–348 УК);
о преступлениях против мира и безопасности человечества (ст. 402–409 УК).

Однако рабочей группой Председателя Кабинета Министров КР Акылбека Жапарова был разработан проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики», который был вынесен на общественное обсуждение, по которому предлагалось внести следующие поправки в ст. 158 и 159 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики:

1) внести уточнение в перечень органов, осуществляющих следствие (ст. 158 УПК Кыргызской Республики), заменив следователей органов прокуратуры следователями органов военной прокуратуры;

2) перераспределить между органами внутренних дел и органами национальной безопасности перечень статей Уголовного кодекса Кыргызской Республики, отнесенных в соответствии со ст. 159 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики к подследственности органов прокуратуры.

Данный проект закона был внесен на рассмотрение Парламента КР (Жогорку Кенеша) по инициативе Президента КР (<http://kenesh.kg/ru/draftlaw/634619/show>).

Таким образом, прокуратура больше вообще по задумке Рабочей группы Акылбека Жапарова и по инициативе Президента КР С. Н. Жапарова не будет расследовать преступления, за исключением военной прокуратуры, которой будут подследственны уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, а также призванными на сборы военнообязанными.

Я как настоящий ученый-правовед очень долго думал, какое же здесь слово ключевое, от чего следует оттолкнуться, так как сам не являюсь по научной специальности специалистом по уголовному процессу, я — государствовед и до меня дошло, что отправной

точкой является термин «подследственность» и вот к чему я пришел.

Я стал изучать труды ученых по определению подследственности, как она вообще определяется и как распределяется между правоохранительными органами.

Во-первых, подследственность является одним из средств укрепления законности в уголовном процессе [1].

Согласно более ранним исследованиям, в частности МГУ им. М. В. Ломоносова, Чистякова В. С. отмечает, что «Изучение законодательства союзных республик показывает, что при разграничении подследственности между следователями разных органов оно исходит из единых принципов, учитывая специфику организации и деятельности органов следствия и характер самих преступлений. Расследование дел об особо опасных и некоторых других государственных преступлениях отнесено к подследственности следователей органов государственной безопасности, что обеспечивает сохранение государственной тайны (ст. 28 Основ). С учетом большего опыта к подследственности следователей прокуратуры отнесены дела о более сложных и тяжких преступлениях, в то же время нуждающихся в меньшем комплексе оперативно-розыскных мероприятий. В интересах большей объективности расследования дела о преступлениях несовершеннолетних, а по УПК Казахской ССР и дела о преступлениях лиц, страдающих физическими и психическими недостатками, лишаящим их возможности самим осуществить право на защиту, отнесены также к подследственности следователей прокуратуры [2].

С учетом принадлежности следственного аппарата органов охраны общественного порядка и милиции к одному ведомству, следственный аппарат МООП расследует дела о преступлениях, выявляемых органами милиции при охране общественного порядка и безопасности. Большая мобильность, оперативность, тесный контакт с оперативными службами МООП обеспечивает лучшее раскрытие и расследование именно этой категории преступлений.

В то же время изучение практики показывает, что в разграничении подследственности отмечается некоторое несовершенство, вызывающее трудности и трения в работе органов следствия и ведущее к нарушению закона о подследственности.

Вызывает сомнение правильность разграничения подследственности дел о смежных преступлениях (ст. 92 и ст. ст. 170, 172 УК РСФСР) и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Если дела о хищениях путем злоупотребления служебным положением, присвоения и растраты отнесены к подследственности следователей прокуратуры или органов охраны общественного порядка в зависимости от способа раскрытия преступления, то дела о злоупотреблении служебным положением или халатности отнесены к подследственности следователей прокуратуры.

Кроме того в УПК большинства союзных республик не определено, какой орган должен производить следствие, если в действиях обвиняемого имеется совокупность преступлений разной подследственности — хищение путем злоупотребления служебным положением, присвоения или растраты, вскрытое в результате оперативно-розыскных мер органов милиции, и злоупотребление служебным положением или халатность.

Такое разграничение подследственности ведет на практике к спорам о подследственности, пересылке дел об этих преступлениях из органов прокуратуры в органы охраны общественного порядка и обратно, волоките и дублированию в расследовании.

Вызывает сомнение правильность отнесения к подследственности следователей прокуратуры дел об убийствах, изнасиловании, бандитизме и, наоборот, отнесение к

подследственности следователей органов охраны общественного порядка дел о хищениях государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением, присвоения или растраты, если они обнаружены в результате оперативно-розыскных мер органов милиции.

Правильность разграничения подследственности дел о хищениях путем злоупотребления служебным положением, присвоения или растраты по способу раскрытия вызывает тем большее сомнение, что законодатель не учитывает этот фактор при определении подследственности дел о других преступлениях (взяточничество, хищение в особо крупных размерах и т. п.).

Таким образом, Чистякова еще в 1964 г. делает вывод о том, что подследственность определяется из единых принципов, учитывая специфику организации и деятельности органов следствия и характер самих преступлений. Расследование дел об особо опасных и некоторых других государственных преступлениях отнесено к подследственности следователей органов государственной безопасности, что обеспечивает сохранение государственной тайны (ст. 28 Основ). С учетом большого опыта к подследственности следователей прокуратуры отнесены дела о более сложных и тяжких преступлениях, в то же время нуждающихся в меньшем комплексе оперативно-розыскных мероприятий.

Чтобы быть объективным, я обратился к другому исследованию подследственности, не менее объективному для нашего времени и не менее авторитетному, чем МГУ, это монография ученых Казанского университета: З. З. Зинатуллин, М. С. Салахов, Л. Д. Чулюкин. Подследственность уголовных дел. Издательство Казанского университета. 1986. слава Богу, что она доступна в Инете (<https://goo.su/UcZVheY>).

Я говорю это, чтобы было понятно, что Рабочей группе также было доступно то, что мне как простому гражданину, преподавателю, тем более доступно. Потому что у Рабочей группы есть власть, деньги, связи, административный ресурс, есть возможность обратиться с запросами в МВД России, Университет прокуратуры РФ, Генеральную прокуратуру РФ, другие научные именитые органы, тот же МГУ, чтобы для объективности провести открытое объективное обсуждение. Экспертное обсуждение. Получить независимые экспертные заключения. Прежде всего, ученых. Можно было обратиться для интереса и в правовую клинику «Адилет». Однако этого не было сделано. Значит, цель объективность не была поставлена в основу этой, извиняюсь за выражение, реформы. Если объективность не цель, значит цель субъективные интересы, то есть жажда власти и корысти. Другого, то есть третьего в такой работе быть не может. Полутонов в борьбе с преступностью и в организации конституционного строя не бывает. Хотя это было изначально известно.

З. З. Зинатуллин, М. С. Салахов, Л. Д. Чулюкин в своей монографии «Подследственность уголовных дел» на стр. 14 отмечают, что под подследственностью нами понимается система установленных законом полномочий органов расследования по ведению определенного круга уголовных дел в зависимости от их юридических свойств в целях достижения четкости и оперативности при производстве предварительного расследования [3].

Идеальная, на мой взгляд, дефиниция подследственности, которая дает ответ на вопрос, кому какие уголовные дела подследственны.

Страница 20 этих же авторов: «Следует заметить, что разграничение полномочий органов расследования по предметному признаку не является постоянным, неизменным. Из истории развития института подследственности мы видим, что в зависимости от экономических, социально-политических изменений в обществе и обусловленных ими

изменений в организации предварительного расследования изменялась и предметная подследственность».

Мой вывод: Действительно, когда вся собственность в государстве была почти огосударствлена, то тогда были аппараты БХСС в составе МООП-МВД. Теперь необходимости в них нет, так как появилась частная собственность, строй стал капиталистическим, а постоянные жалобы предпринимателей привели к тому, что большинство преступлений в сфере предпринимательской деятельности, связанной с уклонением от уплаты налогов, закономерно переданы в КР прокуратуре. Я не видел в Инете жалоб от бизнеса, что прокуратура кошмарит бизнес: незаконно проводит проверки одну за другой и прочее в этом роде.

Страница 21 этих же авторов: «Думается, что критериями разграничения предметной подследственности органов расследования в зависимости от вида совершенного преступления являются:

1) *объект посягательства*. По данному критерию разграничиваются полномочия следователей органов государственной безопасности от полномочий следователей прокуратуры и МВД. Исходя из объекта посягательства, все дела об особо опасных и некоторых иных государственных преступлениях отнесены к подследственности следователей органов государственной безопасности. Поскольку особо опасные государственные преступления направлены на подрыв или ослабление советского общественного и государственного строя, а иные государственные преступления — на основы государственного управления или основы хозяйственной деятельности Советского государства, то полномочия следователей по ведению этих дел установлены общесоюзным уголовно-процессуальным законом (ст. 28 Основ).

Объект посягательства учитывается также для разграничения полномочий по ведению дела между следователями прокуратуры и МВД. Так, дела обо всех должностных преступлениях, преступлениях против политических и трудовых прав граждан, некоторых иных государственных преступлениях, преступлениях против порядка управления отнесены к подследственности следователей прокуратуры;

2) *сложность расследования дел*. По данному критерию производится разграничение полномочий по ведению дела между следователями прокуратуры и органов внутренних дел, между ними и органами дознания. Дела, которые отнесены к подследственности органов дознания, не представляют собой сложности, для их расследования, как правило, не требуется применения сложных научно-технических средств, в большинстве случаев эти преступления выявляются при выполнении органами дознания возложенных на них обязанностей.

Расследование же дел о преступлениях, отнесенных законодателем к подследственности следователей прокуратуры, представляют, как правило, повышенную сложность. Для их расследования необходимо иметь не только профессиональную специальную подготовку, но и значительный практический опыт. Поэтому к их подследственности отнесены дела об убийствах, изнасилованиях, нарушениях правил движения и эксплуатации транспорта (ст. 85 УК РСФСР), нарушениях правил безопасности горных работ (ст. 214 УК РСФСР), нарушениях правил при производстве строительных работ (ст. 215 УК РСФСР), некоторых хозяйственных преступлениях и других;

3) *особенность деятельности тех органов, в составе которых находится следственный аппарат*. Так, исходя из тех задач, которые возложены на органы МВД по охране общественного порядка, общественной безопасности, подавляющее большинство

уголовных дел о преступлениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, отнесено к подследственности следователей органов внутренних дел. К таким преступлениям, дела о которых отнесены к подследственности следователей МВД, относятся хулиганство, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами и др.;

4) *максимальное сочетание следственных и оперативно-розыскных мероприятий.* По данному критерию расследование большинства дел о преступлениях, по которым в начальный момент следствия лицо, совершившее преступление, бывает неизвестным, отнесено к подследственности следователей органов внутренних дел. Находясь в одном ведомстве, следователи МВД и оперативные работники милиции под руководством начальников горрайотделов внутренних дел путем тесного взаимодействия имеют возможность раскрывать эти преступления. Представляется, что именно с учетом этого критерия к подследственности следователей МВД отнесены дела о кражах государственного, общественного и личного имущества граждан, о грабежах, разбойных нападениях с целью завладения имуществом и др.» [3].

Мой вывод: То же самое и по прокуратуре – на нее возложены задачи надзора за исполнением законов и иных нормативных правовых актов Кыргызской Республики органами государственной власти, местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями и организациями, деятельность которых финансируется из государственного и местного бюджетов, государственными и муниципальными учреждениями и предприятиями, функционирующими на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования, а также иными юридическими лицами с государственной долей участия (далее — субъекты);

Следовательно, и расследовать преступления, совершенные госслужащими она и будет. Потому что надзор за ними входит в ее задачи и это очевидные преступления, где не нужен оперативный аппарат для розыска преступника. Более того, поэтому-то постановление о возбуждении уголовного дела является актом прокурорского реагирования. Поэтому следствие, это, по сути, продолжение прокурорского надзора, исходя из тяжести и общественной опасности содеянного. Это не только мое мнение, но и других ученых, например, из России: «уголовное преследование представляет собой производную от прокурорского надзора функцию» [4].

Далее, из монографии З. З. Зинатуллина и др.: «Однако это отнюдь не означает, что для расследования дел, отнесенных к подследственности следователей прокуратуры, не требуется взаимодействие их с оперативными работниками милиции [3].

Наоборот, и в данном случае оно необходимо и должно осуществляться в полной мере. Вместе с тем по делам о преступлениях, которые отнесены к подследственности следователей прокуратуры, в большинстве своем лицо, причастное к совершению преступления, бывает известным. Поэтому следователь прокуратуры направляет свои усилия к собиранию доказательств, изобличающих в совершении преступления уже известное лицо. К таким можно отнести преступления, предусмотренные ст. ст. 71 — Пропаганда войны, 74 — Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии, 77-1 — Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, 80-82 — ст. 80. Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу; Ст. 81. Уклонение от призыва по мобилизации; Ст. 82. Уклонение в военное время от выполнения повинностей или уплаты налогов, 85 — Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, 99-1, 104-107, 118-120, 124, 1241, 126-129, 132-143,

152-1521, 160, 161, 164, 170-180, 1901-3 и другими статьями УК РСФСР. Исключение составляют лишь преступления, предусмотренные ст. ст. 102-103, 117 УК РСФСР.

По ним, безусловно, с самого начала предварительного следствия требуется максимальное сочетание следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Таковы, очевидно, те критерии, которые положены в основу разграничения полномочий органов расследования в зависимости от вида совершенного преступления.

Для определения предметной подследственности, кроме вида совершенного преступления как основного, законодатель вводит и вспомогательные признаки. Таковыми являются субъект преступления и орган, возбудивший уголовное дело.

Вопрос об органе, возбудившем уголовное дело, как вспомогательном признаке для определения предметной подследственности был разрешен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 апреля 1963 г «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». Этим нормативным актом в ст. 126 УПК РСФСР были внесены изменения в связи с предоставлением права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка (ныне - МВД). Часть 5 ст. 126 УПК РСФСР гласила, что «по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 92 Уголовного кодекса РСФСР, предварительное следствие производится следователями прокуратуры, а если эти преступления обнаружены в результате оперативно-розыскных мер органов милиции — также следователями органов охраны общественного порядка». Как видно из данной нормы, расследование дел о хищениях государственного или общественного имущества ставилось в зависимость от способа их выявления: если это преступление было обнаружено в результате проведения оперативно-розыскных мер, осуществленных оперативными работниками милиции, то уголовное дело подлежало расследованию следователями органов МВД; в других же случаях такие дела были отнесены к подследственности следователей прокуратуры.

Прокурор может направить в милицию только такие материалы, для проверки которых необходимо использовать оперативные средства и методы.

Как было отмечено, другим вспомогательным признаком для определения предметной подследственности является субъект преступления.

Таким образом, основным признаком, определяющим предметную подследственность органов расследования, является вид совершенного преступления, а вспомогательными признаками — орган, возбудивший уголовное дело, и субъект преступления.

Российские ученые, начиная с 2007 года, когда прокуратуру в России лишили функции следствия, уже с самого начала в своих научных трудах говорили хором об ущербности такой «реформы»: так, Бабин К. А. в своем автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России» (Специальность 12.00.09 — уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность), Нижний Новгород — 2008 отметил: «Сформировалась новая правовая реальность, когда впервые прокурор оказался отстраненным от прямого выполнения функции уголовного преследования по значительному числу, причем наиболее тяжких преступлений. Новые правовые реалии требуют теоретического осмысления (<https://goo.su/VQmezBt>).

Не в меньшей степени требуется выработка политики по поводу дальнейшего реформирования досудебного уголовного преследования и участия в нем прокурора. Практика применения УПК РФ показывает, что не все ожидания, которые связывали с нововведениями, сбываются. При этом есть много подтверждений того, что разделение следствия и прокурорского надзора, отстранение прокурора от непосредственного участия в

выполнении функции уголовного преследования на досудебном производстве было непродуманным. Оставляет желать много лучшего и законодательная техника реализации революционных замыслов относительно выполнения прокурором функции уголовного преследования.

Есть основания подвергнуть критике линию по ослаблению прокурорского надзора за следствием. Злободневной является концепция единства обвинительно-следственной власти как методологической основы для понимания механизма выполнения прокурором функции уголовного преследования на всем протяжении уголовного судопроизводства.

Проведенное исследование позволило автору сформулировать следующие положения, выносимые на защиту:

- идея о разделении прокурорского надзора и следствия является неверной. Обвинительно-следственная власть в государстве должна быть единой и неделимой, и возглавляться она должна прокуратурой;

- путь к воссозданию института судебного следователя в его классическом понимании квазисудебного органа — это путь к инквизиционному процессу, т. е. путь назад, (мой комментарий — тем более, что в нашей стране мы видим, к чему привело создание следственного судьи, который только и занимается санкционированием арестов, и больше ничего! Разве в этом была суть судебной реформы?);

- создание единого следственного органа не решит проблему повышения эффективности следствия, но породит комплекс новых вопросов как процессуального, так и организационно-управленческого, политического характера, (мой комментарий — в Кыргызстане был такой орган в виде ГСБЭП, или Финпола, также была АКС ГКНБ и что это дало? Сведение на нет или максимальную минимизацию должностной преступности? Нет, напротив, ее усиление!);

- прокурору следует вернуть право на возбуждение уголовного дела, в том числе по фактам совершения преступлений, по которым обязательно проведение предварительного следствия, (мой комментарий — слава богу, что мы это вернули в Кыргызстане, чтобы потом не пришлось создавать самим себе трудностей, а затем их героически преодолевать!);

- прокурор должен иметь право непосредственно выполнять функцию уголовного преследования в ходе досудебного производства путем проведения следственных действий и принятия процессуальных решений, связанных с привлечением к уголовному преследованию лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, (мой комментарий — слава богу, что мы это вернули в Кыргызстане, чтобы потом не пришлось создавать самим себе трудностей, а затем их героически преодолевать!);

- прокурору должно быть возвращено полномочие на принятие решения о прекращении уголовного дела полностью или в части по результатам изучения уголовного дела, поступившего к нему от следователя с обвинительным заключением, (мой комментарий — слава богу, что мы это вернули в Кыргызстане, чтобы потом не пришлось создавать самим себе трудностей, а затем их героически преодолевать!);

Функция уголовного преследования (функция обвинения) — это вектор, направление, в котором должна развиваться деятельность стороны в деле. Данное направление предопределено конструктивной особенностью состязательной модели уголовного процесса, механизм развития которого устроен так, что сторона обвинения призвана осуществлять уголовное преследование. Если прокурор или иной участник со стороны обвинения перестает выполнять функцию уголовного преследования, процесс прекращается. Функция уголовного преследования - это принадлежность (атрибут) стороны обвинения, а вместе с

тем источник энергии для потенциального развития состязательного процесса. В состязательном процессе могут быть только три основные функции функция уголовного преследования (обвинения), функция защиты от обвинения и судебная функция. Привнесение в эту триаду какой-либо еще функции (все равно как ее назвать - «предварительное расследование» или «следствие») деконструктивно: нарушается принцип разделения функций и запрет на совмещении функций у одного субъекта. Позиционирование следователя как носителя функции предварительного расследования неминуемо ведет к допущению того, что он вправе выполнять любую из трех классических процессуальных функции состязательного процесса под предлогом необходимости установления истины (защиты прав человека и т. п.).

В идеале у прокурора в состязательном уголовном судопроизводстве должна быть только функция уголовного преследования. Функция надзора призвана обеспечить руководящую роль прокурора на досудебном производстве. Выполнение функции уголовного преследования — это и есть собственно уголовное преследование, как реальная деятельность участников со стороны обвинения, с учетом реальных процессуальных условий, в которых надлежит выполнять функцию. Деятельность прокурора так или иначе связана с достижением обвинительной цели, т.е. восходит к обвинению как утверждению о виновности обвиняемого и требованию о его наказании.

Обвинение есть юридический символ преступления, которое еще не конституировано судебной властью в виде юридического факта, но, тем не менее, делает процесс предметным в виде подозрения, обвинения. Прокурор и органы предварительного расследования — органы обвинения. Обвинительная власть должна быть сосредоточена у прокуратуры. Прокуратура, как полномочный носитель обвинительной власти, должна быть независимой от органов остальных ветвей власти и в то же время надзирать над органами правительства, осуществляющими досудебное уголовное преследование, и руководить ими. Прокуратура должна рассматриваться официальным носителем обвинительной власти (которая передана ей народом, обществом) и руководителем уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса. Очевидно, раскол обвинительно-следственной власти осуществлялся ради благой цели — создания «системы сдержек и противовесов» внутри правоохранительной системы. Однако усиление раскола между этими органами грозит развалить всю организованную работу по уголовному преследованию.

Отсутствие единого центра управления функцией публичного уголовного преследования снижает его эффективность. Произошедшие изменения в обвинительно-следственной власти носят конъюнктурный, политический характер и никак не связаны с логикой состязательного процесса, где есть сторона обвинения, сторона защиты и суд. Прокурор лишен возможности лично осуществлять уголовное преследование, но в то же время прокурор остается субъектом уголовного преследования. Иначе и быть не может, ведь в итоге он решает судьбу обвинения и уголовного дела. В этом парадокс созданной модели обвинительно-следственной власти. Ослабленной оказалась не только функция уголовного преследования, единого руководства им, но и другие функции прокуратуры надзорная и правозащитная. А ведь они составляли единый отлаженный десятилетиями механизм, который действовал. Конечно, были злоупотребления, но эксцессы в деятельности этого механизма не могут отменять сам механизм.

Поскольку предварительное следствие отчасти выведено из-под непосредственного прокурорского надзора, постольку большее значение приобретает судебный контроль и ведомственный контроль в лице руководства следственной власти (которой перешли многие

из бывших надзорных полномочий прокуратуры), как гарантия законности и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Однако судебный контроль пассивен. Судья не будет реагировать на незаконные действия (бездействие) следователя по своей инициативе. Нужна сила, которая приводила бы в действие судебный механизм. Ее имеют далеко не все граждане. Существенный порок новой конфигурации обвинительно-следственной власти состоит в том, что не гарантируются права личности, подвергаемой уголовному преследованию!

Одним из вариантов в реформировании досудебного производства является создание отдельного самостоятельного органа предварительного следствия как структуры в системе органов исполнительной власти.

Но никакого русского аналога ФБР не может быть, потому что ФБР в основном осуществляет ОРД (в нашем понимании) по узкой категории уголовных дел.

Вместо механического заимствования надо реформировать саму форму досудебного производства — вот где ключ повышения эффективности уголовного преследования, а не в перетряске правоохранительных органов. Создание единого аппарата предварительного расследования, подконтрольного только верховной власти, в условиях розыскного досудебного производства — опасный шаг.

Конструктивный порок современной обвинительно-следственной власти состоит в том, что она является бесконтрольной со стороны гражданского общества, а это создает почву злоупотреблений, коррумпированности.

Тезис о необходимости разделения надзора за следствием и самим следствием есть в конечном итоге направлен против состязательности, ибо игнорирует то, что и орган следствия, и прокурор, надзирающий за ним, есть представители стороны обвинения; они выполняют функцию уголовного преследования и прокурору нужен надзор за следствием, чтобы руководить следствием, осуществлять уголовное преследование через следователя.

Выполнение функции уголовного преследования (обвинения) прокурором означает уголовное преследование, осуществляемое им или непосредственно, или посредством руководства деятельностью органов предварительного расследования и органов, уполномоченных осуществлять ОРД.

Выполнение функции уголовного преследования состоит в системе -процессуальных и организационных действий прокурора, направленных на привлечение к уголовной ответственности предполагаемого виновника преступления, собирание обвинительных доказательств на досудебной подготовке материалов уголовного дела, обеспечение интересов обвинения в ходе судебного контроля на стадии предварительного расследования, и доказывание вины подсудимого в суде как первой инстанции, так и в вышестоящих инстанциях, а также на реализацию наказания в отношении осужденного по приговору суда. Прокурор в уголовном деле выступает как орган, уполномоченный от имени государства выполнять функцию уголовного преследования на всем протяжении уголовного процесса. Отсюда, вытекает то, что он должен обладать полномочиями руководить деятельностью других органов уголовного преследования.

Выполнение прокурором функции уголовного преследования должно быть под общественным контролем; гражданское общество должно иметь возможность через механизм судебного контроля влиять на публичное уголовное преследование.

Произошедшие изменения в обвинительно-следственной власти носят конъюнктурный, политический характер и никак не связаны с логикой состязательного процесса, Где есть сторона обвинения, сторона защиты и суд. Можно предположить, что раскол обвинительно-

следственной власти осуществлен во имя благой цели — создания «системы сдержек и противовесов» внутри правоохранительной системы. Однако усиление раскола между этими органами грозит развалить всю организованную работу по уголовному преследованию. Отсутствие единого центра управления выполнения функции публичного уголовного преследования снижает его эффективность.

Единство стороны обвинения нарушено, что в условиях состязательности чревато утратой эффективности уголовного преследования, борьбы с преступностью. Ослабленной оказалось не только функция уголовного преследования, единого руководства им, но и другие функции прокуратуры: надзорная и правозащитная.

Поскольку предварительное следствие отчасти выведено из-под непосредственного прокурорского надзора, постольку большее значение приобретает судебный контроль и ведомственный контроль в лице руководства следственной власти (которой перешли многие из бывших надзорных полномочий прокуратуры), как гарантия законности и защиты прав и свобод человека и гражданина. Но эти гарантии не могут быть равнозначными отмененному прямому повседневному прокурорскому надзору за предварительным расследованием. Существенный порок новой конфигурации обвинительно-следственной власти состоит в том, что не гарантируются права личности, подвергаемой уголовному преследованию.

На основании изложенного хочется верить, что в нашей стране когда-нибудь возобладает научный подход в законодательной работе и проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики» будет признан неконституционным, ненаучным и власть вернется к редакции статей 158 и 159 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики 2021 года.

Список литературы:

1. Селютин А. В. 7. 2. Подследственность, как форма внешнего выражения разграничения компетенции государственных органов и должностных лиц при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. №1. С. 171-174.

2. Чистякова В. С. Органы предварительного расследования преступлений и разграничение компетенции между ними: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1964. 17 с.

3. Зинатуллин З. З., Салахов М. С., Чулюкин Л. Д. Подследственность уголовных дел. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 100 с.

4. Воронин О. В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. №1 (7). С. 24-32.

References:

1. Selyutin, A. V. (2010). 7. 2. Podsledstvennost', kak forma vneshnego vyrazheniya razgranicheniya kompetentsii gosudarstvennykh organov i dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii ugovolno-protsessual'noi deyatel'nosti. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. Yuridicheskii zhurnal*, (1), 171-174. (in Russian).

2. Chistyakova, V. S. (1964). *Organy predvaritel'nogo rassledovaniya prestuplenii i razgranichenie kompetentsii mezhd u nimi: Avtoref. ... dis. kand. yurid. nauk. Moscow.* (in Russian).

3. Zinatullin, Z. Z., Salakhov, M. S., & Chulyukin, L. D. (1986). *Podsledstvennost' ugovolnykh del. Kazan'.* (in Russian).

4. Voronin, O. V. (2013). Prokurorskoe ugovnoe presledovanie v razlichnykh stadiyakh i proizvodstvakh otechestvennogo ugovnogo protsessa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, (1 (7)), 24-32. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 06.06.2023 г.*

*Принята к публикации
15.06.2023 г.*

Ссылка для цитирования:

Иманкулов Т. И. Лишение прокуратуры Кыргызской Республики в 2023 году предметной подследственности (права расследовать преступления) не соответствуют объективной истине, теории уголовного процесса и прокурорского надзора, не говоря уже о противоречии самой Конституции Кыргызской Республики 2021 г. // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №7. С. 339-350. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/48>

Cite as (APA):

Imankulov, T. (2023). The Deprivation of the Prosecutor's Office of the Kyrgyz Republic in 2023 of Substantive Jurisdiction (The Right to Investigate Crimes) Does Not Correspond to Objective Truth, the Theory of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Not to Mention the Contradiction of the Constitution of Kyrgyz Republic of 2021 Itself. *Bulletin of Science and Practice*, 9(7), 339-350. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/92/48>